

справедливость тезиса о том, что «сейчас в мире нет такой страны, которая не созрела бы для социализма»²¹.

Об этом не принято говорить, но в холодной войне были свои правила. Ялтинско-Потсдамские соглашения разделили Европу, оставив только Западный Берлин точкой возможного конфликта. Для понимания логики поведения в условиях конфликта в Европе показательны результаты встречи 22 июля 1968 г. госсекретаря США Д. Раска с советским послом, проинформировавшим американскую сторону о планах относительно планируемого вторжения в Чехословакию. Раск заявил: «Правительство США стремится быть весьма сдержанным в своих комментариях в связи с событиями в Чехословакии. Мы определенно не хотим быть как-то замешаны или вовлечены в эти события... Это — дело прежде всего самих чехов. Кроме этого — это дело чехов и других стран Варшавского договора»²².

Другое дело — Дальний Восток, Азия, Африка. Здесь правил не существовало со времен Корейской войны. Стороны стремились «загреть жар чужими руками» и были рады, если противник оказывался вынужден спасать своего союзника. Так было во Вьетнаме, когда войска США воевали с вьетнамцами. Так получалось и с Афганистаном, когда американской стороне оказалось достаточно только снабдить вооружением моджахедов и организовать мощную пропагандистскую кампанию.

Итак, цель ввода войск в Афганистан — сохранить и укрепить советское влияние, уже занятые в период холодной войны позиции — должна была оправдать средства: отстоять эти позиции в ходе боевых действий. Цена этих решений оказалась намного большей, чем думали принимавшие их...

²¹ Там же. С. 190.

²² АП РФ, ф. 3, оп. 91, д. 98, л. 25—26.

Дмитрий Рюриков

К истории ввода войск СССР в Афганистан. Комментарии

Dmitriy Ryurikov (Moscow, Russia)

On the history of the Soviet invasion of Afghanistan. Comments

DOI: 10.31857/S086956870007434-8

При рассмотрении вопроса о вводе советских войск в Афганистан в декабре 1979 г. необходимо иметь в виду следующее. Если бы в апреле 1978 г. в стране не произошла революция, ситуация развивалась бы в спокойной обстановке, и сама идея принятия каких-либо экстренных мер в связи с острым кризисным положением, не говоря уже о вводе войск, просто не могла бы возникнуть. Исходной точкой исследований ввода войск в декабре 1979 г. и их вывода в мае 1989 г. нужно считать «Апрельскую революцию». В ходе неё революционно настроенные офицеры афганской армии свергли стабильный в целом режим М. Дауда, поддерживавший нормальные отношения и с СССР, и с США, и со странами Западной Европы, и привели к власти прокоммунистическую НДПА.

Однако полагать, что Советский Союз приложил руку к подготовке этой революции, неверно. Для Москвы военный переворот стал почти таким же сюрпризом, как и для других стран. Ни посольство СССР, ни советские советники в различных государственных структурах не оказывали мятежникам помощи и поддержки, вооружённая борьба в Кабуле была делом самих афганцев. Причём 27 апреля советское посольство в какой-то момент попало в весьма рискованное положение — оно в прямом смысле слова оказалось между двух огней. Вспоминается услышанный тогда телефонный разговор одного из руководителей группы военных советников с кем-то из подведомственных ему офицеров, работавших в одной из частей афганской армии. «Понятно, что у тебя спрашивают совета, — кричал в трубку генерал, — но ты соображай, что советовать! Нельзя допустить, чтобы у нас возникли проблемы!».

Другой эпизод того времени — состоявшийся накануне переворота традиционный советско-американский вечер-приём в посольстве СССР. Он был посвящён программе сотрудничества в космосе «Союз-Аполлон» и прошёл в дружественной атмосфере, никаких разговоров о надвигающихся событиях не велось. Впоследствии американские дипломаты говорили своим советским коллегам, что произошедший на следующий день захват власти просоветской политической группировкой стал для них неожиданностью. Однако, тщательно проанализировав беседы во время приёма, они пришли к выводу, что спокойствие и дружелюбие советских дипломатов в тот вечер вряд ли было наигранным и циничным. Они не занимались дезинформацией, а находились в таком же неведении относительно происходящего.

Что касается самих американцев, то определить степень их влияния на апрельские события 1978 г. достаточно трудно. Хотя некоторое время спустя появилась информация о том, что американцы, сами того не подозревая, сыграли в них свою роль. Дело в том, что когда после загадочного убийства авторитетного деятеля НДПА М.А. Хайбара партия организовала в Кабуле внушительные протестные акции под резкими антиправительственными лозунгами, близкий родственник Дауда и *de facto* второе лицо в государстве М. Наим пригласил американского посла в Афганистане Т. Эллиота на конфиденциальную беседу в государственную резиденцию Пагман. Наим поинтересовался у посла: как, по мнению американской стороны, следовало бы поступить в создавшейся конфликтной ситуации? Последовал дипломатичный ответ: власти Афганистана вправе предпринять необходимые меры в соответствии с конституцией и законами страны. Слова посла оказались истолкованы так: если лидеры НДПА будут арестованы, негативной реакции со стороны Вашингтона не последует. Однако аресты неожиданно привели к восстанию части армии, свержению и казни Дауда, Наима и некоторых их сподвижников и началу длящегося до сих пор сложного трагического периода в истории Афганистана.

При всей взаимосвязи названных событий говорить об «американском следе» и некоем начале американской операции по втягиванию Советского Союза в афганскую ловушку уже в апреле 1978 г. оснований нет. Успех восстания группы офицеров против Дауда не был гарантирован, бои в Кабуле 27 апреля могли бы закончиться победой силовиков, да и в целом даже для опытных американских спецслужбистов подобная схема выглядела слишком мудрёной. Вряд ли их поведение можно рассматривать как часть разработанного сценария и вряд ли они могли предположить последствия своего шага. Термины «геополитика», «политтехнологии» и проч. появились несколько позже.

Апрельские события показали, что потенциал НДПА, при всей её неоднородности, оказался недооценён как афганскими властями, так и внешними силами. На протяжении многих лет партия, не проявляя себя в официальной среде, сформировала достаточно многочисленную группу приверженцев коммунистической идеологии, которые находили себе место в различных сферах деятельности (зачастую в армии). Член Политбюро и секретарь ЦК НДПА С.М. Зерай рассказывал о первом посещении занятия для молодёжи по основам марксизма, прошедшем задолго до революции на дому у Н.М. Тараки. Слова о том, что все люди равны, классовое неравенство должно быть уничтожено, а на месте эксплуататорского государства — построена народная власть, произвели глубочайшее впечатление на молодого человека, изменили всю его жизнь. Таких, как Зерай, было немало, и когда им и их партии бросили вызов, они приняли его и завоевали власть.

Скоро, однако, выяснилось, что одной идеологической подготовки для управления явно недостаточно. К текущим финансово-экономическим трудностям добавились проблемы, связанные с традиционными спешкой и революционными перегибами при проведении «прогрессивных реформ». Уже к лету 1978 г. обстановка в стране стала вызывать опасения, в самой НДПА начались раскол и борьба за власть между группировками «Парчам» и «Хальк», завершившиеся к осени победой халькистов. Через год после революции ситуация с продовольствием, поставками электроэнергии, водоснабжением и проч. привела к тому, что одержавшие верх над «Парчагом» Тараки и Х. Амин начали серьёзно опасаться «контрреволюционных исламистов». Они постоянно просили у Москвы то новых поставок вооружений, то направления подразделений советских войск. К тяготам населения добавился разгул криминала, зачастую связанного с халькистами. Но существенной угрозы безопасности со стороны Афганистана не отмечалось, и ситуация ещё не давала руководству СССР оснований для решения о вводе войск.

На этом фоне в афганских делах стал проявляться американский замысел. С начала 1979 г. действия спецслужб США начали принимать всё более конкретные оперативные формы. О таком событии, как убийство в феврале в Кабуле недавно приехавшего посла США А. Дабса, упоминают не часто — а зря. Примечательным явился уже сам факт назначения послом человека, хорошо знавшего русский язык и занимавшего в своё время не последний пост в системе спецслужб. Странности же в захвате жертв террористами и проведении операции по спасению заслуживают серьёзного осмысления. Гибель Дабса нанесла ощутимый репутационный ущерб не только властям НДПА и спецслужбам, но и советской стороне. Американцы стремились сделать представителей советских спецслужб главными ответственными за неудачу в освобождении и смерть посла. Есть вопросы и относительно роли в этом эпизоде Амина. Инцидент мог быть первым звонком о сложности ситуации, серьёзности и далеко идущем характере намерений Запада в афганском вопросе. Но, к сожалению, ни в Кабуле, ни в Москве, насколько известно, его таковым не сочли.

З. Бжезинский, занимавший пост советника по национальной безопасности при президенте США Дж. Картере, в июле 1998 г. в интервью газете «Нувель обсерватер» с гордостью признался в активизации американской военной помощи афганским моджахедам летом 1979 г. и сообщил, что уже в июле в записке на имя Картера указывал: помогая повстанцам, Вашингтон не подталки-

вает русских к вторжению, но сознательно повышает вероятность того, что они на это пойдут. В других записках президенту, написанных уже в начале 1980 г., он подчёркивал, что теперь, когда задуманное свершилось, Вашингтону необходимо значительно расширить помощь повстанцам. Бжезинский охарактеризовал американские операции в Афганистане как воплощение блестящей идеи: она втянула русских в западню — их собственную вьетнамскую войну, вызвала деморализацию и, в конечном счёте, развал советской империи. Эти слова, конечно, сильно преувеличивают роль американской стратегии в Афганистане и лично Бжезинского в развале Советского Союза, но доля истины в них есть.

В контексте развития афганской ситуации стоит отметить не столь известное, но заслуживающее внимания событие. В конце лета 1979 г. на экраны вышел английский документальный фильм об афгано-британских войнах второй половины XIX — начала XX в., просмотр которого состоялся и в дипкорпусе в Кабуле. В самом конце фильма прозвучал провокационный вопрос: британский лев пытался справиться с непокорным Афганистаном, но у него не вышло — хватит ли на это сил у русского медведя?

Традиционный для рассматриваемой темы и в целом важный для постреволюционной истории Афганистана вопрос: кем был Амин, какие цели он преследовал в своей деятельности, действительно ли был агентом американских спецслужб? Ответ на него мог заметно влиять на позицию советских руководителей по афганским делам. Можно представить, что происходило в сознании члена Политбюро ЦК КПСС, который читал развединформацию о том, что руководитель афганского государства и братской НДПА, оказывается, связан с ЦРУ. Имеются многочисленные свидетельства особых отношений Амина с американцами в разные годы его жизни, начиная, в частности, с учёбы в США. Обучавшиеся вместе с ним афганцы рассказывали, что иногда он на какое-то время исчезал, старался не пропускать фильмы о преступном мире и связях криминала и мафии с властью. Одним из наиболее известных аргументов в пользу версии о связи Амина с ЦРУ является поступившая осенью 1979 г. информация о наличии в его рабочей телефонной книжке (обнаруженной после штурма президентского дворца 27 декабря 1979 г.) записи с номером телефона, именем и фамилией некоего американца и пометкой «ЦРУ».

Помимо этих негативных свидетельств, беспринципность и вероломство афганского лидера, его властолюбие и жестокость, свержение и убийство своего учителя Тараки, расправы с соратниками, репрессии против населения и проч. не могли не вызывать сомнений в отношении Амина и тревоги за судьбу южного соседа СССР. Всё более осязаемым становился рост неприятия проводимой политики не только в деревенских районах, но и в городах страны. Причём недовольство режимом распространялось и на ранее симпатизировавшие НДПА слои населения.

Полезный фактический и аналитический материал по истории ввода советских войск в Афганистан содержится в книге «Вирус А», подготовленной журналистом В.Н. Снегирёвым и работавшим в советском посольстве в Кабуле очень талантливым и, к сожалению, недавно ушедшим из жизни сотрудником советской разведки В.И. Самуниным. Книга не является документальным материалом, фамилии некоторых лиц изменены. Так, главное действующее лицо — работник КГБ В. Старостин, под псевдонимом которого скрывается Самунин. Его словам и информации можно доверять: он действительно был

участником и свидетелем многих бурных событий в истории Афганистана конца 1970-х — начала 1980-х гг., и его повествование подтверждается другими компетентными лицами.

Осенью 1979 г. к сложностям внутреннего положения и сведениям об усилении американской военной и иной помощи различным антиправительственным группам добавились акции информационной войны. Одной из них стало появление сведений о планах размещения американцами в захваченных моджахедами горных районах Афганистана (а если они победят, то и по всей стране) мощных ракетных установок, направленных на советскую территорию. Информация воспринималась с двойственным чувством. С одной стороны, нереальность проекта казалась очевидной, с другой — при характере советско-американских отношений не учитывать даже такую, казалось бы, экзотическую угрозу считалось неправильным.

В целом, смесь из правдивой информации и вроде бы правдоподобных «вбросов» из различных источников, подводивших советские директивные органы к решению о военном вмешательстве, делала оценку ситуации и её перспектив весьма сложной. В «Вирусе А» есть на этот счёт интересные материалы.

Ввод войск и устранение Амина могли завершиться удачей, если бы после восстановления правопорядка и стабилизации социально-экономического положения советские войска были выведены. В начале 1980 г. многие афганцы говорили представителям СССР: хорошо, что вы убрали этот режим, за это спасибо, теперь вам можно возвращаться домой. В Москве знали о подобных настроениях, но, судя по обстановке, пойти на такой вариант в директивных кругах считалось невозможным. Уверенности в том, что новое руководство объединившихся групп «Парчам» и «Хальк» во главе с Б. Кармалем самостоятельно справится с ситуацией, не имелось, американская помощь исламистам возросла, а уход войск с риском последующей неудачи в Афганистане нанёс бы серьёзный внешне- и внутривнутриполитический ущерб. Стратегия предполагала оказание значительной всесторонней, в том числе военной, помощи в целях разгрома вооружённой оппозиции и улучшения положения в стране до тех пор, пока афганская власть не обретёт полной уверенности в управлении внутренними и внешними делами и поддержании безопасности на участке южной границы Советского Союза. В силу известных причин эти цели остались не реализованы, и советские войска ушли из Афганистана в 1989 г.

Нерешённость афганской проблемы до сих пор оказывает на Россию негативное воздействие, в частности в плане контрабанды наркотиков. После возникновения такой реальности, как афганская наркоэкономика, число россиян, потерявших жизнь и здоровье из-за употребления афганских опиатов, заметно превысило число советских военнослужащих, погибших в Афганистане в ходе военных действий. Россия и США вроде бы прилагают совместные усилия по разрешению этой проблемы, но негативный американский след присутствует и в новой ситуации. Зная о вовлечённости американских военных баз в наркопоток из Афганистана, российская сторона обращалась с просьбой о содействии в его пресечении, на что получила формальный ответ — «данные вопросы в компетенцию американских служб не входят».